

ФАБУЛА: ВЫМЫСЕЛ, ЖАНР, СЮЖЕТ

FABULA: FICTION, GENRE, PLOT

УДК: 82-1/-9

DOI: 10.31249/chel/2024.03.08

Стаф И.К.

ВЫМЫСЕЛ КАК ЖАНРОВЫЙ ПРИЗНАК? FABULA И ФАБЛИО[©]

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, Москва, irina.staf@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрена одна из попыток дать определение жанру фаблио исходя из античного понятия fabula и тех трансформаций, какие оно претерпело в средневековой французской словесности. Новые поэтические нормы, элементы которых прослеживаются в рамках коротких стихотворных повествований, отчасти предваряют идеи, сформулированные в поэтических трактатах XIV–XV вв. Однако сама жанровая дефиниция, основанная на этом критерии, нуждается в уточняющих параметрах.

Ключевые слова: Средние века; Франция; короткое повествование; фаблио; басня; вымысел; правдоподобие.

Получена: 30.05.2024

Принята к печати: 25.06.2024

Staf I.K.

Fiction as a genre marker? Fabula and fabliau[©]

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Moscow, irina.staf@gmail.com*

Abstract. The article considers one of the attempts to define the genre of fabliau based on the ancient concept of fabula and the transformations it underwent in medieval French literature. The new poetic norms, elements of which can be traced within the framework of short verse narratives, partly anticipate the ideas formulated in the poetic treatises of the fourteenth and fifteenth centuries. However, the genre definition itself, based on this criterion, needs clarifying parameters.

Keywords: Middle Ages; France; short narrative; fabliau; fable; fiction; plausibility.

Received: 30.05.2024

Accepted: 25.06.2024

Вплоть до последних десятилетий среди медиевистов господствовало убеждение, что в словесности на старофранцузском языке термины, которыми обозначалась «жанровая»¹ принадлежность коротких нарративных текстов, распределялись более или менее произвольно. Поль Зюмтор, рассуждая о не-песенном повествовании, приходит к выводу, что обозначения эти «не поддаются никакому определению» [Зюмтор, 2003, с. 163]. О «гибкости» или «размытости» средневековой жанровой терминологии писали как об аксиоме А. Стрюбель [Strubel, 1988, p. 341], Ж.-Ш. Пайен [Payen, 1980, p. 7], Ж. Рибар [Ribard, 1989], Р.Т. Пиккенс [Pickens, 2008]. По мнению Ж.-М. Буавен, «поэтическая лексика эпохи грешит в равной мере неточностью и полисемией» [Boivin, 2006, p. 361]. Наконец, А. Корбеллари вообще предлагал поставить точку в бесплодных диспутах: «...сама идея некоего единообразного определения средневековых жанров сегодня уже невозможна» [Corbellari, 2014, p. 35].

Между тем еще в 1981 г. Н. Ван ден Богард, предпринявший совместно с В. Номеном издание полного корпуса фаблю, реши-

© Staf I.K., 2024

¹ Термин «жанр» применительно к Средним векам мы используем условно: в отсутствие вплоть до XV в. сколько-нибудь разработанной поэтики (кроме латинской) точнее говорить о «формах», однако в более широком смысле, нежели «простые формы» А. Йоллеса [Jolles, 1968].

тельно возражал П. Зюмтору, подчеркивая, что в XIII в. можно говорить о фиксированной лексике, использовавшейся поэтами и писцами для обозначения жанров [Van den Boogaard, 1984, p. 666]. Это положение подробно обосновывает в ряде статей канадский медиевист Ф. Женгра: по его наблюдениям, авторская рефлексия над эстетикой краткости прослеживается как в самих нарративных текстах, так и в их прологах и иных видах «паратекста». «В подавляющем большинстве случаев названия средневековых повествовательных форм не взаимозаменяемы: формальная близость – краткость в сочетании с обычным для нарратива восьмисложником с парными рифмами – не влечет за собой изменчивости жанровых “ярлыков”» [Gingras, 2011, p. 161].

В результате вновь оживившихся споров вокруг поиска исторических «жанровых» критериев, актуальных как для самих поэтов, так и для их читателей / слушателей – взамен критериев чисто структурных и формальных, – в изучении короткого нарратива Средних веков наметились две взаимосвязанные тенденции. Это прежде всего комплексное исследование «сборных» манускриптов, позволяющее установить принципы отбора и группировки текстов писцами¹ (см., например, [Azzam, Collet, Foehr-Jassens, 2005], или начатый в 2011 г. швейцарско-немецко-канадский проект по изучению рукописных собраний фаблио «Читать в контексте до Нового времени» [*Lire en contexte*, 2012]). Кроме того, это анализ «метапоэтических» деклараций, содержащихся в текстах, с целью реконструировать имплицитные поэтические нормы, которыми руководствовались их авторы и исполнители.

Фаблио, короткие и, как правило, забавные стихотворные тексты, отнюдь не случайно оказались в центре этих дискуссий. Само их наименование (*fabliau*, *fableau*, *fablel*), отсылающее к унаследованному от Античности жанру басни (*fable*)², требует изучения как их

¹ Ф. Женгра отмечает при этом, что объединение произведений «по жанру» встречается в крайне редких случаях и характерно прежде всего для басни; в большинстве кодексов связь между текстами, как правило, не жанровая, но функциональная, обусловленная предназначением сборника [Gingras, 2011, p. 161–162]. Отметим, однако, еще один важнейший короткий жанр, дошедший до нас именно в виде сборников – *exempla*.

² Гипотеза Л. Росси [Rossi, 1999], который обращает внимание на еще одну форму этой лексемы – *flabel*, и на этом основании возводит ее не к басне, но к

генетической связи, так и принципов разграничения обеих форм, тем более что, по замечанию того же Ф. Женгра, в манускриптах «смешение басни и фаблю встречается в трех случаях, однако каждый из них опровергается вариантом *fable* в других рукописях» [Gingras, 2011, p. 161]. Одновременно встает вопрос о соотношении как басни, так и фаблю с одним из ключевых понятий античной, а затем и средневековой риторики – *fabula*, вымышленный рассказ.

Оставляя в стороне устойчивое представление о мнимом «реализме» фаблю (из работ последнего времени здесь следует упомянуть [Alexandre-Bidon, Lorcin, 2003]), мы рассмотрим одну из концепций, в рамках которой определение корпуса текстов, обозначаемых этим названием, связывается с той трансформацией, какую претерпело понятие *fabula* на протяжении столетия, с конца XII до самого начала XIII в., то есть в достаточно краткий период бытования жанра.

Заметим сразу, что разграничение собственно басни – эзоповой, животной, с ее говорящими животными, «противными природе», по слову Исихора Севильского, – для этого периода не представляет значительных трудностей. Вплоть до середины XIII в. этот жанр, как правило, обозначался в старофранцузском языке словом «Изопет» (*Isopet*) или «Авионнет» (*Avionnet*, т.е. собрание басен Авиана): именно под этими названиями переводы античных басен объединялись в рукописные сборники. С понятием же *fable* дело обстоит сложнее.

Восходящее к Цицерону (*De Inventione*, I, XIX, 27) и к «Риторике к Гереннию» (I, VIII, 13), наиболее популярному в Средневековье риторическому трактату, разделение повествования на три типа – *fabula* (миф. «басня»), *historia* (рассказ о реальных незапамятных событиях) и *argumentum* (рассказ о событии, которого не было в реальности, но которое могло быть), – развитое и дополненное Исихором Севильским в «Этимологиях», почти в неизменном виде воспроизводилось в латинских средневековых риторических трактатах, в частности у Иоанна Гарландского или Гальфрида Винсальвского. При этом нужно подчеркнуть, что в указанных трактатах речь никоим образом не идет о мимесисе: элементы

латинскому *flabellum* («дуновение», «вранье, чепуха»), семантически связанному с *vaniloquium* («пустая болтовня»), фактически не нашла сторонников.

триады различаются не с точки зрения достоверности, соответствия реальному «порядку вещей», но как определенные риторические системы со своими установками и внутренней когерентностью.

Однако Ф. Женгра [Gingras, 2018] справедливо обращает внимание на еще один извод этой триады, принадлежащий Присциану, который в «Предварительных упражнениях» (*Præexercitamina*) опускает третий ее член, *argumentum*, выдвигая на первый план пользу, присутствующую в «басне». *Fabula*, по его словам, «касается вещей, полезных для жизни, и бывает правдоподобной, если то, что случается с персонажами, описано складно» (<*Fabula*> *pertinet ad vitae utilitatem et fit verisimilis si res, quae subiectis accidunt personis, apte reddantur* [Priscien, 1863, S. 551]). Иначе говоря, «басня» у Присциана сливается с *argumentum*, ибо не преступает границ правдоподобия, и одновременно подлежит толкованию, прежде всего моральному, подчиняясь принципам христианской экзегезы.

Тем самым, полагает Ф. Женгра, а вслед за ним еще одна канадская исследовательница, И. Делаж-Белан, закладывается основа для превращения античной триады в оппозицию: «Для противопоставления вымысла и правды старофранцузский язык располагает терминами *fable* и *estoire* – конечно, с семантическими нюансами по сравнению с латынью, – но *argumentum* при этом не подвергся переводу» [Delage-Béland, 2024, p. 26]. Господствующей в литературе на народном языке становится пара «вымысел / истина», где первый член несет идею бесполезного («лживого») развлечения, а второй связан с морально-дидактической функцией повествования. «Некоторые тексты, дабы отделиться от других коротких рассказов, включают прямые нападки на прочие формы развлечений, излюбленных при дворе. Так, пролог к “Жизнеописанию древних святых отцов”¹ направлен против бродячих жонглеров, которые обеспечивают себе завидные барыши, “придумывая песенки, остро-ты и фаблио” (*trovant chansonete, moz et flabiaz*) <...> Автор нраво-учительного сборника, со своей стороны, заявляет об отказе от “басни”, которая понимается как противоположность “правдивого сказа” <...> В этой системе фаблио предстает высшей формой

¹ *Vie des Pères* (французское переложение раннехристианских житий отцов-пустынников, *Vitae Patrum*) – необычайно популярное собрание стихотворных благочестивых рассказов первой трети XIII в.

пустого развлекательного рассказа, который, независимо от правдивости, имеет лишь одну функцию – отвратить христианина от его обязанностей» [Gingras, 2011, p. 163–164]¹. Анри д’Андели, завершая «Ди о канцлере Филиппе», оговаривает, что, несмотря на формальное сходство с *фаблио* (краткость, восьмисложник с парными рифмами), его текст иного характера:

Por ce qu’il est de verité
Ne l’apele mie flabel²

[Henri d’Andeli, 2003, p. 98]

Обобщая эти строки, Л. Росси утверждает, что, с точки зрения поэтов Средневековья, *фаблио* «предназначались для отдохновения и развлечения», а «их общая характеристика – это поэтический вымысел» [Rossi, 1999, p. 362]³.

Между тем в понимании средневековых авторов чисто развлекательная функция характерна для другой группы произведений, которая эксплицитно противопоставляется различным формам короткого рассказа. Речь идет о рыцарских романах артуровского цикла (к которым иногда добавляются песни о деяниях): «бретонский материал» предстает образцовым воплощением *fable*, со всеми ее негативными коннотациями. Создатели же *фаблио* нередко заявляют именно о правдивости своих рассказов, как, например, анонимный автор «О перепелах» (*Des perdris*):

En lieu de fable dire vueil
Une aventure qui est vraie⁴

[Recueil général, T. 1, p. 188].

В стремлении уяснить место *фаблио* относительно концепции вымысла, формирующейся в словесности на народном языке, Ф. Женгра и И. Делаж-Белан обращаются к творчеству знаменитого

¹ Ср.: «Вряд ли стоит напоминать, что в произведениях на народном языке *fable*, понятие, восходящее к *fabula*, чаще всего отвергается и рассматривается как синоним лжи» [Delage-Béland, 2024, p. 142].

² Не называю его *фаблио*, ибо он правдив. (Здесь и далее перевод мой. – И.С.)

³ Ср. мнение А. Корбеллари, полагающего, что в *фаблио* вообще отсутствует дидактическая функция [Corbellari, 2021].

⁴ Хочу я рассказать не басню, но подлинное приключение.

жонглера из Арраса Жана Боделя (ок. 1167 – ок. 1210), который по праву считается зачинателем жанра – ему принадлежат восемь фаблио, в том числе знаменитые «Виллан из Байё» (*Le Vilain de Bailluel*) и «Буренка, корова священника» (*Brunain, la Vache au Prestre*), – и который впервые «дает отдельные элементы определения этой новой формы короткого рассказа» [Gingras, 2007]. В прологе фаблио «Алчный и завистливый» (*Le Couvoiteus et l'Envieux*), созданного в самом конце XII в., Жан Бодель выражает свой взгляд на ремесло придворного поэта и заявляет о намерении рассказать необычную и правдивую историю:

Seignor, après le fabloier
Me vueil a voir dire apoier;
Quar qui ne sait dire que fables
N'est mie conterres regnables,
Por a haute cort a servir,
S'il ne sait voir dire ou mentir.
Mais cil qui du mestier est fers
Doit bien par droit entre deus vers
Conter de la tierce meüre¹
[Recueil général, T. 5, p. 211].

Загадочный «третий спелый» представляет собой игру слов на основе поговорки «меж двух зеленых третий спелый» (*entre deus verz une meüre*): поэт выбирает некий третий вид повествования, не лживый и не правдивый, «спелый» среди зеленых (*verts*) стихов (*vers*). Опираясь на замечание Ф. Женгра, полагающего, что это «фаблио вписывается в рамки определения басни Присциана» [Gingras, 2018], И. Делаж-Белан стремится доказать, что формирующаяся поэтика фаблио восполняет «выпавшее» звено античной триады – *argumentum*. «Пристальный анализ корпуса текстов показывает, что <поэты> отдают предпочтение мотиву внешнего подобия (*semblance*); в соотношении с правдой оно намечает определение правдоподобия, формируя некий эквивалент *argumentum*, присущий средневековой литературе на народном языке» [Delage-Béland, 2024, p. 42].

¹ Сеньор, после лживых басен / Хочу я опереться на правдивый сказ; / Ибо тот, кто умеет излагать только басни, / Рассказчик неразумный, / Чтобы служить высокому двору, / Коли не умеет он говорить правду или лгать. / Но тот, кто горд своим ремеслом, / Должен прямо между двумя зелеными / Рассказать третий, спелый.

Канадская исследовательница связывает рождение такой «промежуточной» формы короткого рассказа с «триумфом вымысла», который наблюдался в старофранцузской словесности рубежа XII–XIII вв. В главе «Искушение басней» (*La tentation de la fabula*) [Delage-Béland, 2024, p. 43–112] она рассматривает функционирование вымысла в романе, в частности у Кретьена де Труа, и его постепенное проникновение в другие жанры – в агиографию, историографию, эпическую поэзию. Однако в этом подробном и обстоятельном обзоре отсутствуют два, на наш взгляд, ключевых культурных феномена, характерных для этой эпохи и способных повлиять на развитие новой формы короткого нарратива.

Первый феномен – это *exempla*, «примеры», которые особенно часто включались в проповеди на народном языке. При этом И. Делаж-Белан отмечает, что в восьми случаях фаблио в рукописях именуются «примером» (*essample*), но считает это лишь «признаком функции жанра, который претендует не только на развлечение» [Delage-Béland, 2024, p. 129]. Между тем вряд ли случайно рождение фаблио совпало по времени с расцветом *exempla* (конец XII – начало XIII в.), вызванным глубоким обновлением проповеднического искусства, когда, с одной стороны, шло бурное развитие нищенствующих монашеских орденов, а с другой – складывалась новая риторика, вершиной которой, несмотря на отсылки к античной традиции, стала проповедь; проповедник занял место античного оратора. Адаптацию античного *exemplum* к христианству принято связывать с именем Тертуллиана, однако новой, средневековой формой и функцией их наделил в «Диалогах о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души» (в частности, в IV книге) Григорий Великий (ок. 540–604), у которого они становятся главным элементом в изложении христианского учения. *Exemplum* для Григория Великого – это именно короткая история, чаще всего анекдот, услышанный недавно от знакомого или человека, достойного доверия. С XIII в. начинается «серийное» производство *exempla*, переходящих из уст в уста проповедников и из одного сборника в другой: «*exemplum* больше не включен в окружающий его текст, но, наоборот, извлечен из контекста, он передается отдельно, изолированно» [Bremond, Le Goff, Schmitt, 1982, p. 53].

Структура «примера», которым могли служить практически любая история, анекдот, животная басня, в целом тождественна

структуре фаблио (и эзоповой басни): короткий рассказ, сопровождаемый нравственным поучением; отличие только в стихотворной форме, общей для нарративных жанров эпохи, в том числе романа. Стоит, однако, отметить, что во второй половине XII в. «Диалоги» Григория Великого были переведены на старофранцузский, а в начале XIII в. Вошье де Денен, состоявший на службе Филиппа I Благородного, маркграфа Намюра, переложил две их первые книги восьмисложником [Polo de Beaulieu, 2014, p. 364]. Сюжеты «примеров» и фаблио также могли пересекаться: в *Sermones ad status* (т.е. проповедях на народном языке) Жака де Витри, включающих более 300 *exempla*, имеются не только истории, почерпнутые из Беды Достопочтенного или св. Амвросия Медиоланского, но и басни Эзопа и Федра, и, среди прочего, история о матроне из Эфеса, которая легла в основу анонимного фаблио «Та, что отдалась на могиле мужа» (*Cele qui se fist foutre sur la fosse de son mari*), обозначенного создателем как «правда» (*un voir*). В паратекстах сборников «примеров» проблема вымысла и правдивости занимает не последнее место. «Когда цистерцианец Цезарий Гейстербахский рассказывает, что случилось с неведомым ростовщиком или с никому не известным рыцарем, заставляя аудиторию поразиться этой истории, <ему верят> потому, что сам рассказчик — монах и утверждает, что услышал ее от лица, бесспорно заслуживающего доверия, чаще всего монаха или даже аббата его ордена» [Bremond, Le Goff, Schmitt, 1982, p. 45]. Проблема сходства и различий *exemplum* и фаблио, как структурных, так и функциональных, заслуживала бы более пристального внимания, особенно с учетом мотива чудес, который нередко встречается в фаблио, пусть и в комической интерпретации («Четыре пожелания к святому Мартину», *Les Quatre souhaits saint Martin*; «Брат Дениза», *Frère Denise*; «О святом Петре и жонглере», *De saint Pierre et du jongleur*, и др.)

Второй важнейший феномен заключается в проблематичной рецепции «басен» античных авторов и прежде всего Овидия в религиозной и светской литературной традиции эпохи. «Безоговорочно изгнанные как из духовной жизни, так и из порядка логических категорий, либо за аморальный вымысел, либо за *propter defectum veritatis*, по выражению Фомы Аквинского» [Duprat, Chevrolet, 2011], овидиевские «Метаморфозы» вошли в канон «школьных» авторов как раз в XII в. Одновременно Арнульф Орлеанский,

опираясь на традицию, восходящую к псевдо-Лактанцию, создал два знаменитых комментария к ним, грамматический и аллегорический (*Arnulphi Aurelianensis Allegoriae super Ovidii Metamorphosin*). А. Дюпра и Т. Шевроле связывают идею «защиты поэтического вымысла» с рождающимся в Италии XIV в. гуманизмом, отмечая, правда, что некоторые отцы Церкви, например, Лактанций и св. Августин, видели в языческих баснях иносказательно выраженное поучение, наставление в истинной вере, что в дальнейшем привело к идее поэзии как «инобогословия» (*altera theologia*). Но уже в IX в. епископ Орлеанский Теодульф причислял Овидия и Вергилия к христианским авторам, поскольку в их сочинениях под ложным покровом присутствует скрытая истина, а Абельяр в своем «Введении в теологию» (*Introductio ad Theologiam*, I, 20) отстаивал возможность применять принципы аллегорического толкования не только к текстам Священного писания, но и к текстам профанным, в том числе языческим (в частности, к тому же Вергилию). Трактовка вымысла как покрова (*integumentum*), скрывающего сакральные истины, была актуальна и для Шартрской школы с ее стремлением восстановить учение Платона, и для Жана де Мёна с его «Романом о Розе». Мария Французская в прологе к «Лэ» кратко излагает – с отсылкой к Присциану, – ту же самую теорию:

Custume fu as anciens,
Ceo testimoine Preciens,
Es livres ke jadis feseient,
Assez oscurement diseient
Pur ceus ki a venir esteient
E ki aprendre les deveient,
K'i peüssent gloser la lettre
E de lur sen le surplus mettre¹.

[Marie de France, 1973, p. 1]

Поэтому нет ничего удивительного в упомянутом И. Делаж-Белан соседстве в рукописи BnF, fr. 1450 (вторая треть XIII в.) «Жизнеописаний святых отцов» с их обличениями вымысла, и романа – «лживого» жанра! – «Долопатос» (*Dolopathos*), создатель

¹ У древних было в обычае, / Как свидетельствует Присциан, / В книгах, что они некогда слагали, / Изъясняться довольно темно, / Дабы те, кому в будущем / Придется их изучать, / Могли толковать буквальный смысл / И добавить к нему свой.

которого настаивает на моральном смысле «басен» [Delage-Béland, 2024, p. 108–109]. Роман этот, одна из переработок «Книги о семи мудрецах», не только противостоит циклу о рыцарях Круглого стола: он строится на «античном» материале, а одним из центральных его персонажей выступает Вергилий. Материал (*matière*) повествования – важнейший критерий трактовки и «оправдания» вымысла.

Именно модель интерпретации «Метаморфоз», воплотившаяся в их анонимном морализированном переложении (*Ovide moralisé*, между 1317 и 1328 г.), к которому в середине XIV в. добавилась 15-я книга латинского «Нравственного свода» (*Reductorium morale*) Пьера Берсюира, более известная как *Ovidius moralizatus*, в конечном счете оказалась во Франции доминирующей. Косвенное тому подтверждение дает, как ни парадоксально, сама книга И. Делаж-Белан: рассматривая вопрос о понятии вымысла в средневековом романе, она упоминает рукопись Bodmer 147 конца XIII – начала XIV в., создатель которой «непринужденно занимается интерполяцией и вставляет отрывки из одной из версий французского перевода Библии XIII в. в “Историю святого Грааля”, углубляя тем самым игру с библейским гипотекстом, на которой строится произведение. Помимо этого приема, нужно отметить повторяющуюся формулу “Так гласит рассказ, и Священное Писание о том свидетельствует” (*Ci dit li contes, et la sainte Escripiture le tesmoigne*), подчеркивающую подлинность истории святого Грааля и истории Мерлина» [Delage-Béland, 2024, p. 78–79]. Но этот крайне примечательный факт лишь подтверждает, что принципы экзегезы, которой подвергались «Метаморфозы» сначала в латинской, а затем и во французской традиции, были известны и актуальны для поэтов, переписчиков, слушателей даже тех творений, которые на первый взгляд далеки от традиций ученого комментирования и толкования. Следует обратить внимание еще на одну особенность этой экзегезы – фрагментацию: глосса, комментарий, мораль включаются в оригинальный текст, разбивая его на отдельные сравнительно короткие отрезки, которые зачастую обретают отдельную жизнь, как и происходило с поэмой Овидия. Возможно, как раз с этим фрагментирующим воздействием глоссы связан расцвет короткого нарратива во Франции XIII в.

Окончательно идея «оправдания вымысла» посредством отсылки к библейским истинам и к моральной пользе оформилась во

Франции к концу XIV в. под значительным влиянием «Генеалогии богов» Боккаччо (см. об этом, в частности, [Стаф, 2017]). Именно вымысел в этот период стал основной чертой поэтики – в отличие от риторики. Августинец Жак Легран посвящает поэтике особую главу во II книге своей «Красноречивейшей Софии-Мудрости» – «О поэтрии и как должно ее применять» (*De poeterie et comment on doit user de icelle*).

La fin et l'entention de poeterie si est de faindre hystoires ou autres choses selon le propos du quel on veult parler. Et de fait son nom se demonstre, car poetrie n'est autre chose a dire nemais science qui aprent a faindre. <...> Poetrie en soy aprent a faire fictions bonnes et raisonnables et pour tant saint Augustin ou premier livre de ses confessions en parlant des poetes dit et confesse que plusieurs paroles prouffitables il a trouvé en eulx, c'est assavoir es poetes. Et de fait la Sainte Scripture aucunefois use de fictions...¹ [Legrand, 1986, p. 149].

Процесс самоопределения литературы на народном языке по отношению к вымыслу, сложный и многоплановый, недостаточен для выделения сколько-нибудь строгих жанровых критериев; однако именно он превращает малые повествовательные формы – и, в частности, фэблио – в своеобразную экспериментальную площадку, на которой уже с XII в. формировались основы французской поэтики следующих столетий.

Список литературы

- Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики / пер. с фр. И.К. Стаф. – Санкт-Петербург : Алетей, 2003. – 544 с.
- Стаф И.К. Аллегория, поэтрия, риторика: к понятию поэтического вымысла во Франции конца XV в. // *Studia litterarum*. – 2017. – Т. 2, № 4. – С. 10–29.
- Alexandre-Bidon D., Lorcin M.-T. Le quotidien au temps des fabliaux. – Paris : Picard, 2003. – 303 p.
- Azzam W., Collet O., Foehr-Janssens Y. Les manuscrits littéraires français: pour une sémiotique du recueil médiéval // *Revue belge de philologie et d'histoire*. – 2005. –

¹ «Поэтрия имеет целью своей и задачей создавать вымышленные истории и иные вещи, в зависимости от того, о чем мы желаем говорить. И на то указывает само ее имя, ибо поэтрия есть не что иное как наука о сложении вымыслов <...> Поэтрия научает создавать добрые и разумные вымыслы, и потому святой Августин в первой книге своей “Исповеди”, рассуждая о поэтах, говорит и признает, что нашел у них, сиречь у поэтов, много полезных речей. А иногда и Священное писание прибегает к вымыслам...»

- T. 83, fasc. 3: Langues et littératures modernes = Moderne taal en litterkunde. – P. 639–669.
- Bremond Cl., *Le Goff J., Schmitt J.-Cl.* L'“exemplum”. – Turnhout : Brepols, 1982. – 168 p.
- Corbellari A. D'un recueil “complet” à l'autre. Les répertoires de fabliaux de Montaiglon-Raynaud au NRCF // *L'Étude des fabliaux après le Nouveau recueil complet des fabliaux* / O. Collet, F. Maillet, R. Trachsler, éd. – Paris : Classiques Garnier, 2014. – P. 15–37.
- Corbellari A. Narratologie médiévale // *Glossaire du RéNaF*. – 2021. – 23.09. – URL: <https://wp.unil.ch/narratologie/2021/09/narratologie-medievale/> (date of access: 07.05.2024).
- Boivin J.-M. Naissance de la fable en français. *L'Isopet de Lyon et l'Isopet I – Avionnet*. – Paris : Honoré Champion, 2006. – 449 p.
- Delage-Béland I. Les Fabliaux. Fiction, vraisemblance et genre littéraire. – Paris : Classiques Garnier, 2024. – 460 p.
- Duprat A., Chevolet T. La bataille des fables: conditions de l'émergence d'une théorie de la fiction en Europe (XIVe–XVIIe siècle) // *Vox-poetica. Lettres et sciences humaines*. – 2011. – 1.05. – URL: http://www.vox-poetica.org/t/articles/duprat.html#_ftn1 (date of access: 28.05.2024).
- Gingras F. D'autres genres de vilains: Jean Bodel, le roman et la ville // *Synergies-Inde*. – 2007. – N 2 : Aux sources du dialogue des cultures. Regards croisés sur le Moyen Âge en France et en Inde. Hommage au Professeur Jean Dufournet / dir. V. Ventaencatesan. – P. 97–114.
- Gingras F. Fabuler et dire vrai: les réalismes et l'histoire des genres narratifs au Moyen Âge // *Repenser le réalisme* / ed. by B. Wesley, C. Bouliane. – Montréal : Figura, Centre de recherche sur le texte et l'imaginaire, 2018. – (Cahiers ReMix 7). – URL: <https://papyrus.bib.umontreal.ca/xmlui/handle/1866/32575>
- Gingras F. Pour faire court: conscience générique et formes brèves au Moyen Âge // *Faire court. L'esthétique de la brièveté dans la littérature du Moyen Âge* / sous la dir. de C. Croizy-Naquet, L. Harf-Lancner, & M. Szkilnik. – Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2011. – P. 155–179.
- Henri d'Andeli. Les Dits d'Henri d'Andeli / éd. par A. Corbellari. – Paris : Honoré Champion, 2003. – 229 p.
- Jolles A. Einfache Formen. Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Spruch, Kasus, memorabile Märchen, Witz. – 4., unveränderte Aufl. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1968. – VI, 272 S.
- Legrand J. Archiloge Sophie. Livre de bonnes meurs / ed. critique avec introd., notes et index par E. Beltran. – Paris : Honoré Champion, 1986. – 430 p.
- Lire en contexte: enquête sur les manuscrits de fabliaux // *Études françaises*. – 2012. – Vol. 48, N 3 / prep. par Collet O., Gingras F., Trachsler F. – URL: <https://revue-etudesfrancaises.umontreal.ca/volume-48-numero-3/> (дата обращения: 31.05.2024).
- Marie de France. Les Lais / publ. par J. Rychner. – Paris : Honoré Champion, 1973. – 317 p.
- Payen J.-Ch. Lai, fabliau, exemplum, roman court: pour une typologie du récit bref aux XIIe et XIIIe siècle // *Le récit bref au Moyen Âge. Actes du colloque des 27, 28 et 29 avril 1979* / Université de Picardie, Centre d'études médiévales ; éd. D. Buschinger. – [Amiens] ; Paris : Université de Picardie, 1980. – P. 7–23.

- Pickens R.T. Marie de France in the Manuscripts: Lai, Fable, Fabliau // The old French fabliaux: essays on comedy and context / K. L. Burr, J. F. Moran, N. J. Lacy, eds. – Jefferson : McFarland & Co., 2008. – P. 174–186.
- Polo de Beaulieu M.A. Le passage des recueils d'*exempla* aux langues vernaculaires. Nouveaux publics? Nouveaux usages? // L'œuvre littéraire du Moyen Âge aux yeux de l'historien et du philologue / ed. L. Evdokimova, V. Smirnova. – Paris : Classiques Garnier, 2014. – P. 359–375.
- Priscien. Præexercitamina Prisciani grammatici ex Hermogene versa // Rhetores Latini minores: ex codicibus maximam partem primum adhibitis / K.F. Halm, ed. – Leipzig : Teubner, 1863. – S. 551–556.
- Recueil général et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles, imprimés ou inédits / publ. avec notes et variantes d'après les manuscrits par MM. A. de Montaiglon, G. Reynaud. – Paris : Librairie des bibliophiles, 1872–1890. – T. 1–6.
- Rossi L. Observations sur l'origine et la signification du mot *flabel* // Romania. – 1999. – T. 117, N 467–468. – P. 342–362.
- Strubel A. Exemple, fable, parabole: le récit bref figuré au Moyen Âge // Le Moyen Âge. – 1988. – N 3–4. – P. 341–361.
- Van den Boogaard N. La Définition du fabliau dans les grands recueils // Épopée animale, fable, fabliau. Actes du IVe colloque de la Société Internationale Renardienne. Évreux, 7–11 septembre 1981 / International Reynard Society. – Paris : PUF, 1984. – P. 657–668.

References

- Zyumtor, P. (2003). *Opyt postroeniya srednevekovoj poe'tiki* (I.K. Staf, transl.). Saint Petersburg: Aleteiia.
- Staf, I.K. (2017). Allegoriya, poe'triya, ritorika: k ponyatiyu poeticheskogo vymysla vo Francii konca XV v. *Studia litterarum*. 2(4). 10–29.
- Alexandre-Bidon, D., & Lorcin, M.-T. (2003). *Le Quotidien au temps des fabliaux*. Paris: Picard.
- Azzam, W., Collet, O., & Foehr-Janssens, Y. (2005). Les manuscrits littéraires français: pour une sémiotique du recueil médiéval. *Revue belge de philologie et d'histoire*. 83(3). 639–669.
- Bremond, Cl., Le Goff, J., & Schmitt, J.-Cl. (1982). *L'“exemplum”*. Turnhout: Brepols.
- Corbellari, A. (2014). D'un recueil “complet” à l'autre. Les répertoires de fabliaux de Montaiglon-Raynaud au NRCF. In O. Collet, F. Maillat & R. Trachsler (Eds.), *L'Étude des fabliaux après le Nouveau recueil complet des fabliaux* (pp. 15–37). Paris: Classiques Garnier.
- Corbellari, A. (2021). Narratologie médiévale. In *Glossaire du RéNaF*. Retrieved from <https://wp.unil.ch/narratologie/2021/09/narratologie-medievale/>
- Boivin, J.-M. (2006). *Naissance de la fable en français. L'Isopet de Lyon et l'Isopet I – Avionnet*. Paris: Honoré Champion.
- Delage-Béland, I. (2024). *Les Fabliaux. Fiction, vraisemblance et genre littéraire*. Paris: Classiques Garnie.
- Duprat, A., & Chevrolet, T. (2011, 05 May). La bataille des fables: conditions de l'émergence d'une théorie de la fiction en Europe (XIVe–XVIIe siècle). *Vox-poetica*.

- Lettres et sciences humaines*. Retrieved from http://www.vox-poetica.org/t/articles/duprat.html#_ftn1
- Gingras, F. (2007). D'autres genres de vilains: Jean Bodel, le roman et la ville. *Synergies-Inde*. 2. 97–114.
- Gingras, F. (2018). Fabuler et dire vrai: les réalismes et l'histoire des genres narratifs au Moyen Âge. In B. Wesley & C. Bouliane, *Repenser le réalisme*. Montréal : Figura, Centre de recherche sur le texte et l'imaginaire. Retrieved from <https://papyrus.bib.umontreal.ca/xmlui/handle/1866/32575>
- Gingras, F. (2011). Pour faire court: conscience générique et formes brèves au Moyen Âge. In C. Croizy-Naquet, L. Harf-Lancner & M. Szkilnik (Eds), *Faire court. L'esthétique de la brièveté dans la littérature du Moyen Âge* (pp. 155–179). Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle.
- Henri d'Andeli. (2003). *Les Dits d'Henri d'Andeli* (A. Corbellari, ed.). Paris: Honoré Champion.
- Jolles, A. (1968). *Einfache Formen. Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Spruch, Kasus, memorabile Märchen, Witz* (4 ed., unchanged). Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Legrand, J. (1986). *Archiloge Sophie. Livre de bonnes meurs* (E. Beltran, ed.). Paris: Honoré Champion.
- Collet O., Gingras F., & Trachsler F. (Eds.). (2012). Lire en contexte: enquête sur les manuscrits de fabliaux. *Études françaises*, 48(3). Retrieved from <https://revue-etudesfrancaises.umontreal.ca/volume-48-numero-3/>
- Marie de France. (1973). *Les Lais*. J. Rychner (ed.). Paris: Honoré Champion.
- Payen, J.-Ch. (1980). Lai, fabliau, exemplum, roman court: pour une typologie du récit bref aux XIIe et XIIIe siècle. In D. Buschinger (Ed.), *Le récit bref au Moyen Âge. Actes du colloque des 27, 28 et 29 avril 1979* (pp. 7–23). [Amiens]; Paris: Université de Picardie.
- Pickens, R.T. (2008). Marie de France in the Manuscripts: Lai, Fable, Fabliau. In J.F. Moran, N.J. Lacy, K. L. Burr (Eds.), *The old French fabliaux: essays on comedy and context* (pp. 174–186). Jefferson: McFarland & Co.
- Polo de Beaulieu, M.A. (2014). Le passage des recueils d'exempla aux langues vernaculaires. Nouveaux publics? Nouveaux usages? In L. Evdokimova, V. Smirnova (Eds.), *L'œuvre littéraire du Moyen Âge aux yeux de l'historien et du philologue* (pp. 359–375). Paris : Classiques Garnier.
- Priscien. (1863). Præexercitamina Prisciani grammatici ex Hermogene versa. In K.F. Halm (Ed.), *Rhetores Latini minores: ex codicibus maximam partem primum adhibitis* (pp. 551–556). Leipzig: Teubner.
- Montaiglon, A. de, Reynaud, G. (Eds). (1872–1890). *Recueil général et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles, imprimés ou inédits* (t. 1–6). Paris: Librairie des bibliophiles.
- Rossi, L. (1999). Observations sur l'origine et la signification du mot *flabel*. *Romania*. 117(467–468). 342–362.
- Strubel, A. (1988). Exemple, fable, parabole: le récit bref figuré au Moyen Âge. *Le Moyen Âge*. (3–4). 341–361.

Van den Boogaard, N. (1984). La Définition du fabliau dans les grands recueils. In *Épopée animale, fable, fabliau. Actes du IVe colloque de la Société Internationale Renardienne*. Évreux, 7–11 septembre 1981 (pp. 657–668). Paris: PUF.

Об авторе

Стаф Ирина Карловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, irina.staf@gmail.com ORCID: 0000-0003-3975-6617

About the author

Staf Irina Karlovna – Candidate in Philology, Senior Research Fellow, Institute for World Literature RAS, Moscow, Russia, irina.staf@gmail.com ORCID: 0000-0003-3975-6617